

тительскую роль, проповедуя высокую мечту о буддистском государстве, возглавляемом ханом, стоящим на страже религиозных законов.

Литература

1. Бира Ш. Монголд Алтангэрэл судрыг тахин шүтэж ирсэн нь // Монгол судлалын мэдээлэл. Олон Улсын Монгол Судлалын Холбооны хэвлэл, 1994. № 2 (14); 1995. №1 (15).
2. Радлов В. В., Малов С. Е. *Suvarṇaprabhāsa*. Сутра золотого блеска. – СПб., 1913-1915. Т.17. Ч. 1-8.
3. Дамдинсүрен Ц. Два колофона монгольской книги «Золотой блеск». – Улаанбаатар, 1978.

Р.А. Багаева

ассистент кафедры русского языка Бурятского государственного университета
г. Улан-Удэ

О категории посессивности в лингвистике

Статья посвящена категории посессивности, являющейся универсальной понятийной категорией. Рассматриваются различные подходы к определению ее статуса, границ и объема.

R. Bagaeva

On the question of the category of possessivity in linguistics

The article is devoted to the category of possessivity, which is considered to be universal category. It deals with different approaches to the definition of possessiveness given by modern linguistic.

При изучении такого сложного и многогранного явления, как категория посессивности, исследователи исходят из различного понимания ее сущности, границ и объема. В работах лингвистов встречаются самые разнообразные, а зачастую и противоречивые определения категории посессивности.

Согласно точке зрения, развиваемой в работах многих лингвистов категория посессивности принадлежит к числу таких лингвистических явлений, исследование которых позволит вплотную подойти к характеристике языкового сознания («менталитета») данного социума.

Посессивность как одна из универсальных понятийных категорий языка означает такое отношение между двумя субстанциями, в котором одна из них мыслится как субъект обладания (*possessor*, посессор, обладатель), другая – как объект обладания (*possessum*, обладаемое). Ее можно представить в виде следующей формулы: $XR_{poss}Y$, где R_{poss} – отношение посессивности, а X и Y – элементы (внеязыковые сущности), связанные этим отношением (1, с. 17).

Приведенной дефиницией, конечно же, не снимается дискуссионность самого понятия посессивности, получающая отражение в наличии разных точек зрения по вопросам о границах посессивности, о соотношении различного рода посессивных моделей того или иного языка, о типах посессивности.

Так, Х. Зайлер видит в посессивности такие аспекты, как концептуальный, понятийный и когнитивный, с одной стороны, и лингвистические аспекты – с другой, и в связи с этим замечает: "В вопросе о том, что такое посессивность (в оригинале *possession* букв. 'обладание'), лингвист не может полагаться на солидную сумму знаний или доктрины, получившие развитие или в философии, или в эпистемологии, или в когнитивной психологии и в смежных науках. Но вот что парадоксально: часто представители только что упомянутых наук прибегают к языку в надежде, что языковые данные помогут им лучше разобраться во всей сложности проблемы посессивности" (2, с.1). В другом месте, обсуждая вопрос о посессивности, Х. Зайлер утверждает, что содержание терминов, обозначающих данное понятие, "не получило удовлетворительного уточнения ни в одной из моделей синхронного описания языка", и далее он заявляет: "Мнения о том, что следует принимать за посессивное в определенных языках, колеблются. И естественно возникает вопрос, нужно ли вообще предоставлять соответствующему понятию место в описании языков и, стало быть, в грамматике" (2, с. 231). И как итог, звучит признание, что «вопрос относительно синтаксической и тем более семантической сферы посессивности остается невыясненным» (2, с. 231).

Многие исследователи отождествляют понятия «посессивность» и «обладание». Ср.: «Обладание, или посессивность, рассматривается как категория отнесенности к лицу или предмету» (3, с.4). «Под обладанием, или посессивностью понимается отнесенность к лицу» (4, с.170).

В.А. Степанян объясняет притяжательность (посессивность) через обладание и принадлежность: «Притяжательность есть совокупность субъектно-объектных отношений, благодаря которым объект - любая субстанция, опредмеченный признак - вовлекается в сферу личной деятельности субъекта (принадлежность), либо же субъект сам определяет или относит объект в сферу своей личной деятельности, постепенно расширяя ее (обладание)» (5, с.7).

Среди лингвистов нет единой точки зрения и по поводу *статуса* исследуемой категории. Так, М.А. Журинская определяет посессивность следующим образом: «Посессивность (притяжательность) – одна из универсальных *понятийных* категорий языка» (6, с.388). Р. Цимек присваивает данной категории другой статус: «Посессивность – это *смысловая логико-семантическая* категория, представляющая специфический вид реляции, сопринадлежности одной субстанции другой» (7, с.13).

В определениях нет также единой точки зрения относительно объема рассматриваемых категорий: «Принадлежность – значение более широкое, более объемное, чем значение притяжательности. Последнее, как своеобразный вид отношений между субъектом и объектом, между обладателем и обладаемым, т.е. как отношение владения, является неотъемлемой составной частью значения принадлежности» или «Понятие категории принадлежности гораздо шире, чем понятие собственности, т.е. под категорией принадлежности понимаются такие отношения между предметами, когда один из них имеет непосредственное отношение к другому или является его органической частью» (8, с.3).

Таким образом, обзор целого ряда работ показывает, что в научной литературе, посвященной проблеме категории посессивности, не существует четкой семантической дифференциации понятий «посессивность», «принадлежность», «обладание», «притяжательность». Авторы употребляют эти термины произвольно, как взаимозаменяемые синонимы, хотя вкладывают в них разное содержание.

Довольно часто эти понятия определяются одно через другое. Так, например, О.С. Ахманова определяет «притяжательный» (посессивный) как «выражающий значение владения, обладания чем-либо, собственности, принадлежности» (9, с.363). В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова понятие «принадлежать» толкуется как «находиться в чем-либо обладании, в чьей-нибудь собственности, быть чьим-нибудь достоянием, быть свойственным, присущим кому-нибудь, входить в состав чего-либо» (10, с.483).

Многие лингвисты рассматривают категорию посессивности как элементарную и сводят ее к понятию владения. В этом смысле обладание трактуется узко, как владение в прямом смысле слова, ограничивающееся имущественными отношениями собственника и собственности. И.Х. Рустамов пишет: «Обладание – это отношение лица-обладателя к предмету обладания, оно является свойством субъекта обладания. При этом имеется в виду, что определенное лицо владеет тем или иным предметом. Эти два значения соотносительны, но никоим образом не тождественны, т.е. это разные понятия, хотя и связанные между собой целью коммуникации» (11, с.24).

Владение, пользование и распоряжение предметом рассматриваются в качестве способов обладания. Под владением понимается фактическое господство лица над вещью. Пользование связано с владением и заключается в извлечении из вещи ее полезных свойств. Владелец (собственник) всегда имеет право распоряжения, которое заключается в его праве своим волевым актом установить те или иные правоотношения с другими лицами по поводу принадлежащих ему вещей.

Существуют узкая и широкая трактовки посессивности. Узкого понимания данной категории придерживается, например, М. Хокке. К семантической сфере посессивности он относит только выражение значений владения и собственности, а также отношение часть-целое применительно к лицам и животным (но не к вещам) (12, с. 59). За семантический инвариант принимается значение способности обладателя располагать (распоряжаться) обладаемым в смысле вносить изменение (перемену) в обладаемое сообразно с качественным своеобразием последнего (12, с. 74). Согласно М. Хокке, в немецком языке посессивность вписывается как составная

часть в круг отношений, передаваемых структурой "притяжательное местоимение / генитив имени + имя существительное". Выражение такой структурой родственных отношений, отношения лица к действию (например, *Vaters Reise* 'поездка отца' с субъектным генитивом, *Vaters Beförderung* 'повышение отца в должности' с объектным генитивом; ср. *befördern* 'повышать в должности' - переходный глагол) и др. считается находящимся за рамками посессивности.

К узкой трактовке посессивности склоняется Р. Хокинс, что видно из разбираемых им примеров (преимущественно на материале английского языка): в них, как правило, имя посессора представлено одушевленным существительным, имя объекта обладания – конкретным (в том числе и одушевленным) существительным (13, с. 23).

В лингвистической литературе в категорию посессивности в узком смысле слова включаются отношения собственно обладания (владения), обусловленные социальными факторами. Наряду с этим в эту категорию часто включают и другой тип отношений – «неотчуждаемую принадлежность» (М.А. Журиная, В.В. Кочергина, О.П. Суник, Н.Д. Яковлев), таким образом, выделяются два типа категории посессивности: отчуждаемая и неотчуждаемая принадлежность, сущность которых заключается в дифференцированном языковом выражении посессивной формы в зависимости от семантического класса имен существительных (например, названия родства, родственных отношений, частей тела и т.д. характеризуются особой формой посессивности) (14, с.94-97). Мы полагаем, что нет оснований говорить и о типе категории неотчуждаемой-отчуждаемой принадлежности: отчуждаемая-неотчуждаемая принадлежность, имеющая соответствующие средства выражения в ряде языков, является лишь одним из явлений общей категории посессивности. Уместно отметить, что есть даже языки (к примеру, язык мандинго – один из языков Западной Африки), где отличаются *a fa* (его отец) и *a-ta Kursi* (его штаны): посессивные аффиксы различны, потому что отец не принадлежит своему сыну, а штаны принадлежат своему владельцу (15, с.111). Как частная форма категории посессивности понятие отчуждаемой-неотчуждаемой принадлежности в некоторых языках (например, тюркских, монгольских) остается невыраженным, так как посессивные аффиксы в этих языках могут присоединяться к именам без различия класса. В самом узком понимании категорию посессивности часто трактуют как категорию собственно «владения», а в широком понимании – как категории «отнесенности к лицу».

Посессивность как категория не является однотипным, нерасчлененным понятием, а включает в себя несколько субпонятий. Иными словами, посессивность как понятийная категория обладает весьма обобщенным значением (16, с.192), включая не только чисто владельческое отношение в юридическом смысле, но и целый ряд логических отношений, основанных на органической связи одного предмета с другим.

Широкая интерпретация посессивности, в частности, присутствует в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», где основное значение рассматриваемой категории оценивается как определение названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету (6, с. 388). Показателен в этой связи пример "*любитель чтения*", приведенный наряду с "*книга Петра*", "*сын Николая*", "*хвост осла*" (согласно М. Хокке, с позиции которого говорилось выше, в "*любитель чтения*", равно как и в "*сын Николая*", нет значения посессивности). Подобным же образом соответствующее значение усматривается «не только в словосочетаниях типа *его книга*, но и в словосочетаниях типа *его мужество*, *его рука*, *его кабинет*, *его порция каши*».

Многие авторы расширяют объем категории посессивности. В сферы обладаемого включаются наряду с собственностью части тела, духовные, интеллектуальные, физические свойства обладателя, его социальное, речевое, моторное поведение и т.п.

Некоторые исследователи трактуют обладание еще шире, рассматривая в качестве обладателя не только лицо, но и не-лицо; сюда включаются отношения сопричастности между двумя объектами, как материальными, так и идеальными. Объем категории обладания в этом случае становится, фактически, необозримым, в силу этого объект исследования теряет свои границы, становится неопределенным, расплывчатым и чересчур обширным. Категория обладания при таком ее понимании становится всеобъемлющей, ей трудно что-либо противопоставить, так как можно сказать, что все в этом мире принадлежит чему-нибудь, кому-нибудь.

Н.Т. Ждан разбивает различные толкования категории посессивности на несколько групп по

принципу выделения общекатегориального понятия (17, с.20-22). К первой группе автор относит определения, общекатегориальным понятием которых является посессивность, устанавливающая в самом обобщенном виде притяжательные отношения между двумя субстанциями. Согласно этой точке зрения, на уровне предложения происходит конкретизация посессивности (притяжательности) на семантические подвиды — обладание и принадлежность, или на обладание и бытие обладаемым. Здесь в качестве формального критерия разграничения обладания и принадлежности выступает различие конструкций. Ср.: *У меня есть автомобиль. Мария является владельцем автомашины. Машина принадлежит мне.*

Общекатегориальным понятием для второй группы является притяжательность, имеющая обширный спектр различных значений, а принадлежность — лишь один из видов притяжательности. При этом принадлежность отождествляется с понятием владения, обладания предметом как собственностью (18, с.80). К этой группе можно отнести и трактование принадлежности в крайне расширенном грамматическом смысле. В объем понятия принадлежности включаются не только отношения имущественной и органической принадлежности типа «дом отца», «гости отца», «его кабинет»; «его мужество», но и случаи так называемой общей, неличной принадлежности типа «институт культуры».

Третья группа ученых выделяет в качестве общекатегориального понятия обладание, подразделяемое на следующие семантические подвиды:

- а) внешнее обладание;
- б) внутреннее обладание.

Такое подразделение связано с разграничением отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности.

Итак, как видно из приведенного обзора, подход к толкованию общекатегориального статуса категории посессивности у разных ученых неоднозначен. Критерии выделения посессивных отношений не совпадают.

Автор предпринимает попытку дать обобщенное определение категории посессивности, принимая во внимание лишь те случаи, когда посессор является человеком и посессивные отношения указывают на присутствие признака лица и признака отнесенности к лицу.

Что касается соотношения понятий «обладание» и «посессивность» («притяжательность»), то посессивность воспринимается нами как понятие, семантически более широкое, чем обладание, которое является ее категориальным подвидом. По поводу понятий «обладание» и «принадлежность» мы разделяем мнение некоторых лингвистов о том, что эти понятия, которые, выражая двусторонние отношения, представляют один и тот же смысл в разных направлениях и с разной расстановкой акцентов. На семантическом уровне они описывают одну и ту же посессивную ситуацию.

Итак, многообразие трактовок категории посессивности, неустойчивость терминологии, отсутствие ее четкой дифференциации свидетельствуют о чрезвычайной сложности этой проблемы, неодинаковых подходах к пониманию самого посессивного значения, что является неизбежным всякий раз, когда лингвисты обращаются к изучению таких сложных явлений и объектов, как система языка и ее реализация в речи, языковой знак и обозначаемая им внеязыковая ситуация, понятийное содержание высказывания.

Таким образом, лингвистическая сущность категории посессивности состоит в том, что она включает в себя определенную совокупность языковых средств, выражающих отношения принадлежности/обладания, которые характеризуют денотат с информативной точки зрения.

Литература

1. Чинчлей К.Г. Некоторые аспекты типологии категории посессивности (на материале романских языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1984.
2. Seiler H. Possession as an Operational Dimension of Language. — Tübingen, 1983.
3. Основы грамматики языка хинди. — М., 1958.
4. Вольф Е.М. Некоторые особенности местоименных конструкций (иберо-романские языки) // Категория языка и обладания в языке. — М., 1977.
5. Степанян В.А. Семантико-синтаксические категория притяжательности в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1979.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1998.
7. Zimek R. Die Possessivität und ihre Wiedergabe im Tschechischen und Slovakischen im Vergleich mit dem Rus-

sischen. — Niemeyer, 1968.

8. Чиркоева Д.И. Категория притяжательности в современном якутском языке: дис. ...д-ра. филол. наук. — Якутск, 1998.

9. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1966.

10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. — М., 1958.

11. Рустамов И.Х. Средства выражения принадлежности в разнотипных языках (на материале современного английского, русского и азербайджанского языков): дис. ...канд. филол. наук. — Баку, 1984.

12. Hocke M. Die Pertinenzrelation in Deutschen. Untersuchungen zur Semantik und Syntax. — Frankfurt am Main - Bern - N.Y., 1987.

13. Hawkins R. Towards an Account of the Possessive Constructions: NP's and N of NP. — J, 1981.

14. Кумахов М.А. К теории и истории категории посессивности. Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. — М., 1974.

15. Вандриес Ж. Язык (пер. с франц.). — М., 1937.

16. Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. — М., 1967.

17. Ждан Н.Г. Средства выражения категории обладания в древнеанглийском языке: дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1987.

18. Падучева Е.В. Притяжательные местоимения и генитив // Категория притяжания в славянских и балканских языках: тез. совещания. — М., 1983.

Е.А. Дадучева

аспирант кафедры русского языка Бурятского государственного университета
г. Улан-Удэ

О взаимодействии категории каузативности и переходности в русском языке

Статья посвящена каузативным глаголам. Автор попытался рассмотреть взаимодействие универсальной каузативной категории с грамматической категорией переходности.

E. Dadueva

The causative verbs and the category of transitivity

This article is devoted to causative verbs. The article's author has tried to consider interaction of a universal language category of causative with a grammatical category of transitivity.

Проблема каузативности в современной лингвистике затрагивает внимание многих исследователей. Существует несколько направлений в исследовании категории каузативности: логическое (Н.Д. Арутюнова), онтологическое (В.П. Недалков, Г.Г. Сильницкий), коммуникативное (Г.А. Золотова), типологическое (Р.А. Заубер, И.В. Кормушин и др.). С появлением теории функциональной грамматики, разрабатываемой А.В. Бондарко и его последователями, активно начинает разрабатываться проблема изучения каузативности как функционально-семантической категории (Е.Я. Гордон, Т.А. Кильдибекова, А.П. Чудинов и др.). Критерием выделения функционально-семантических категорий является «общность семантической функции взаимодействующих элементов разных языковых уровней, наличие известного семантического инварианта в дифференциальных семантических признаках этих элементов» (1, с.18). Каузативность представляет собой яркий пример функционально-семантической категории, имеющей большие объяснительные возможности на лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях языка. Большинство лингвистов понимает каузативность как семантическое свойство лексических и синтаксических единиц выражать причинно-следственные отношения между реалиями объективной действительности (Г.А. Золотова, Т.А. Кильдибекова, Г.Г. Сильницкий и др.). Так, Г.А. Золотова определяет каузативность, как «выражение причинно-следственных отношений, в которых воздействие субъекта или события вызывает действие, состояние, изменение качества другого субъекта» (2, с.267).

Семантика каузативности может быть выражена средствами сложноподчиненного предложения, конструкциями с неполнозначительными каузативными глаголами *заставить*, *вынудить*, *дать*, *позволить* и др. в сочетании с инфинитивом, а также именными конструкциями